

О царских грамотах деревни Коробовой.

Въ Государевой Дворцовой волости деревня Коробово; а въ переписныхъ книгахъ 186 (1678) года вышеписанной деревни Коробовой не написано, и крестьяне никакими платежами Дворцовой Красносельской волости къ крестьянамъ не приверстаны и Государевыхъ всякихъ податей и солдатъ, и работниковъ, и подводъ не платятъ для того:

Въ прошлыхъ годѣхъ милостивыми указами блаженныя памяти Великихъ Государей Царей и Великихъ Князей Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михайловича, Іоанна Алексѣевича, всея великія, и малыя, и бѣлыя Россіи Самодержцевъ, жалованными Ихъ Государевыми милостивыми грамотами оныя крестьяне милостиво пожалованы за охраненіе Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца, во время Польскаго и Литовскаго нашествія на Россію, отъ платежей всякихъ податей уволены вѣчно, и никакихъ денежныхъ податей и подводъ брать съ нихъ не велѣно.

(Архивъ Министерства Юстиціи, переписная книга по Костромѣ. 1717, № 10-й 988. Листъ 121-й).

(Сообщено графомъ С. Д. Шереметевымъ).

Первая публичная смертная казнь въ Москвѣ.

Наши лѣтописи сохранили намъ упоминаніе о первой публичной казни въ Москвѣ. Несмотря на нѣкоторую неполноту и неясность лѣтописныхъ извѣстій, мы можемъ возстановить причины и обстановку этого событія.

Княженіе Дмитрія Іоанновича Донского является однимъ изъ достопамятнѣйшихъ въ исторіи возвышенія Московскаго княжества. Однимъ изъ наиболѣе значительныхъ противниковъ Донского былъ князь Тверской Михаилъ Александровичъ. И вотъ къ этому князю въ 1375 году бѣжали изъ Москвы бояринъ Иванъ Васильевичъ Вельяминовъ и купецъ Некомать Сурожанинъ, торговавшій южными дорогами товарами. При этомъ намъ извѣстно, что побудило перваго изъ нихъ перейти на сторону Тверского князя. Дѣло въ томъ, что Московскій князь въ 1374 году, послѣ смерти отца Ивана Васильевича, занимавшаго должность тысяцкаго, не назначилъ на его мѣсто самого Ивана Васильевича, какъ тотъ рассчитывалъ, рѣшивъ совсѣмъ уничтожить эту должность вслѣдствіе ея сильнаго значенія. Московскіе князья подумывали объ этомъ и раньше, но, очевидно, не находили вполне подходящаго случая. Въ связь съ этимъ намѣреніемъ Московскихъ князей молва ставила таинст-

венное убійство въ 1357 году вліятельнаго десятикаго Хвоста, котораго нашли однажды рано утромъ убитымъ на одной изъ Московскихъ площадей. И вотъ теперь обиженный Вельяминовъ и, можетъ быть, не считавшій себя въ полной безопасности, бѣжалъ въ Тверь. Что побудило присоединиться къ нему Некомата, мы не знаемъ. Бѣжали они по словамъ лѣтописи, „со многою лжею и льстивыми словами“, и „отъ этого возгорѣлся огонь“, Карамзинъ же склоненъ видѣть въ нихъ главныхъ виновниковъ „сего бѣдствія“, тогдашняго междоусобія Москвы съ Тверью. По порученію Тверскаго князя, Вельяминовъ и Некоматъ побывали въ Ордѣ, откуда сей послѣдній привезъ ему ярлыкъ на великое княженіе Владимирское. Вельяминовъ остался въ Ордѣ и, по предположенію Соловьева, продолжалъ свои происки въ стѣнахъ Москвы, что лѣтописецъ выразилъ словами: „много нѣчто нестроенія бысть“.

Все это повело къ тому, что Вельяминовъ и Некоматъ попали въ разрядъ государственныхъ измѣнниковъ или, другими словами, политическихъ преступниковъ. По этому, когда былъ заключенъ миръ между Москвою и Тверью, и за боярами и вольными слугами было оставлено право отъѣзда отъ одного князя къ другому съ удержаніемъ сель въ прежнихъ волостяхъ, то относительно Вельяминова и Некомата была сдѣлана оговорка: ихъ села Московскій князь удержалъ за собой.

Въ 1378 г. Вельяминовъ появился на Руси по словамъ лѣтописи, обманомъ былъ задержанъ въ Серпуховѣ и потомъ привезенъ въ Москву, гдѣ, какъ говоритъ Карамзинъ, торжественно всенародно казненъ „къ устрашенію подобныхъ имъ (ему и Некомату) злодѣевъ“. Въ лѣтописи о самой казни имѣется такая лаконическая запись: „Того жъ (лѣта (1378 г.), Августа въ 30 день, во Вторникъ до обѣда, въ 4 часа дни, Иванъ Васильевъ, сынъ тысяцкаго, мечемъ потягъ бысть на Кучковѣ полѣ“ (гдѣ теперь Срѣтенка), „у города Москвы, повелѣніемъ Князя Великаго“. Устрашились ли этой казнью „злодѣи“? Карамзинъ говоритъ, что, народъ Московскій, долго уважавъ и любивъ отца Иванова, чиновника столь знаменитаго, съ горестью смотрѣлъ на казнь его несчастнаго сына, прекраснаго лицомъ, благороднаго видомъ; въ лѣтописи же настроеніе народа и отношеніе его къ казни изображено такъ: „Бѣ множество народа стояща, и мнози *прослезившася* о немъ и опечалишася о благородствѣ его и величествѣ его“. Это позволяетъ заключить, что для многихъ Вельяминовъ, очевидно, не былъ „злодѣемъ“, и цѣль устрашенія „подобныхъ имъ“ не была достигнута. А что „подобные имъ“ появлялись и потомъ, на это указываютъ многочисленные позднѣйшіе „отъѣзды“ отъ князя Московскаго.

Что касается Некомата, то его казнили черезъ 4 года: „тоеже зимы“ (1383 года), говоритъ лѣтопись, „убьенъ бысть нѣкій брехъ“ (вздорный челоувѣкъ, по объясненію Карамзина), „именемъ Некоматъ, за нѣкую крамолу бывшую и измѣну“.

Такъ совершилась первая публичная казнь въ Москвѣ за политическое преступленіе, при чемъ у виновныхъ были предварительно забраны ихъ имѣнія.

Н. Сивковъ.

